

Перед лицом превосходящих сил противника. Тактика генетиков в августе 1948 года

Задание к семинару

Текст 6. Шмальгаузен Иван Иванович, Немчинов Василий Сергеевич

Составьте подкреплённый примерами из текста ответ на вопросы:

1. Разделяет ли выступающий теоретические взгляды Лысенко?
2. Чего он хочет достичь своим выступлением?
3. В каких случаях он говорит искренне, в каких – неискренне?

**Из стенографического отчёта сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук
имени В.И. Ленина (31 июля – 7 августа 1948 г.)**

<http://lib.ru/DIALEKTIKA/washniil.txt>

*** ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ (Дневное заседание 6 августа 1948 г.) ***

Академик П. П. Лобанов. Разрешите продолжить работу сессии. Слово имеет академик И. И. Шмальгаузен.

Академик И. И. Шмальгаузен. Я должен прежде всего извиниться, что до сих пор не мог принять участия в сессии по состоянию здоровья. Мне, собственно, и сейчас нельзя принимать участие и выступать. Но дело в том, что мне было уделено столь значительное внимание, что мое молчание было бы, вероятно, превратно истолковано. Поэтому я не могу не дать некоторые объяснения по поводу тех обвинений, которые против меня выдвигались.

Первое и вместе с тем основное обвинение – это обвинение в автогенезе. Причем здесь указывалось, что я в этом отношении якобы не являюсь продолжателем линии моего учителя академика Северцова. Северцов был, очевидно, иного мнения, так как из многочисленных учеников он избрал меня своим преемником. Очевидно, он считал, что именно я являюсь наиболее последовательным его продолжателем.

В действительности я все время пытался стоять на позициях материалистического объяснения эволюции, и с идеализмом, каких бы то ни было вариаций, я последовательно боролся. Меня здесь пытались причислить к лагерю генетиков и притом формальных генетиков. Для тех, кто не в курсе дела, я должен сказать, что я вообще не генетик, а морфолог, эмбриолог, филогенетик. Самое большое, что у меня некоторое отношение может иметь к генетике, – это работа по феногенетике расовых признаков у кур. Никакого иного отношения мои работы к генетике не имели и не имеют, тем более мои работы не имеют отношения к формальной генетике.

Я старался быть последовательным материалистом, и мне кажется, что это выражено достаточно ясно во всех моих работах. Именно с этих позиций я критиковал все те идеалистические взгляды, которые мне здесь приписывались. В "Проблемах дарвинизма" на страницах с 194 по 208 вы найдете и критику вейсманизма, и Де-Фриза, и формальной генетики, и взглядов Лотси, и теории преадаптации. Многие из этих теорий, например теория преадаптации, в Советском Союзе впервые были подвергнуты такой основательной критике именно мною.

На чем же покоятся обвинения в автогенезе и, следовательно, идеализме?

Очевидно, это касается вопроса об источниках изменчивости. Вот что я говорю об источниках изменчивости:

"Дарвин полагал, что источником неопределенных наследственных изменений являются факторы внешней среды. Хотя генетики стояли обычно на позициях автогенеза, факты, добытые ими самими, противоречат этим представлениям.

Попытки вызвать образование мутаций действием внешних агентов долгое время оставались безуспешными. Однако, после введения достаточно надежных методов для учета новых мутаций, американцу Меллеру, а затем и другим исследователям, удалось получить таковые, сначала путем действия рентгеновских лучей, а потом и применением других агентов – ультрафиолетовых лучей, повышенной температуры, химических веществ. В результате таких воздействий получались как хромосомные перестройки различного рода, так и генные мутации. Однако результат всегда был таким же "неопределенным", как и в природе. В экспериментальных условиях обычно повторялись те же мутации, которые возникали и спонтанно в лабораторных (или полевых) культурах. Это давало генетикам возможность толковать результаты опытов как "ускорение" естественного процесса мутирования. Однако, учитывая сложность строения и функций организма и историческую обоснованность его реакций, мы должны согласиться с Дарвином, что специфика изменения всегда определяется в гораздо большей степени индивидуальными особенностями

самого организма, его конституцией, чем характером внешнего воздействия. Поэтому нас не должно удивлять, что при применении *определенных* факторов получают*ся разные мутации* и действием *различных* агентов получают*ся в общем те же мутации*, какие встречаются в природе.

Это не значит, что получение определенных мутаций совершенно невозможно. Нужно думать, что в конце концов удастся получить специфические наследственные изменения действием определенных факторов на точно известной стадии развития данного организма (генотипа) при определенном его физиологическом состоянии. Что и физиологическое состояние организма не безразлично, показывают установленные факты значительного повышения числа мутаций при старении семян..."

Далее я говорю, что "Не подлежит сомнению, что получение других более тонких определенных наследственных изменений также возможно. Эти вопросы стоят сейчас на очереди. Теоретически мы допускаем также возможность параллельного изменения соматических и половых клеток на тех стадиях, когда они еще не обладают специфической дифференцировкой, – именно в точках роста у растений" ("Проблемы дарвинизма", стр. 220-221).

Из этого совершенно ясно, что я считаю, что источник изменчивости лежит во внешней среде, но разумеется эта изменчивость, конечно, во взаимоотношении организма и среды, причем специфика изменения определяется больше организмом, чем средой ввиду сложности строения организма.

Мне ставят в вину, что я подчеркиваю неопределенность изменчивости организма, но я говорю о неопределенности только новых изменений, а не вообще неопределенности реакций.

В процессе эволюции, под творческим влиянием естественного отбора, они преобразовываются в адаптивные изменения. Между прочим, мне было брошено обвинение, что я искажаю Дарвина, давая другое определение неопределенной изменчивости.

Прочту мое определение:

"Неопределенная изменчивость означает по Дарвину изменения, лишь косвенно связанные с изменениями внешней среды. Он предполагает существование реакций, осуществляемых через половую систему. Но это реакции не прямые и, ввиду их сложности, пока не воспроизводимые по произволу. Каждая особь реагирует по-своему. Специфика реакции определяется главным образом индивидуальными свойствами данной особи. Эти изменения, как правило, наследственны. Ясно, что это в основном те изменения, которые мы теперь называем *мутациями*. Однако частично сюда входили и их комбинации и связанные с ними неприспособительные модификации. В природном материале мы практически всегда имеем дело с неопределенными индивидуальными различиями".

"Дарвиновские определения основных форм изменчивости являются наиболее удачными из всех существующих определений, так как даже современное определение модификаций и мутаций как ненаследственных и наследственных изменений лишено достаточной ясности и давало повод для многих недоразумений" ("Проблемы дарвинизма", стр. 210).

Мне приписывалось представление об эволюции, как идущей по потухающей кривой соответственно представлениям Даниэля Роза и других буржуазных теоретиков.

Прочту, что у меня написано по этому поводу. Последняя глава моей работы "Факторы эволюции" специально посвящена вопросам о темпах эволюции. Я дам выдержку из заключения:

"Палеонтология дает нам много материалов, показывающих действительное наличие возрастающих темпов эволюции наиболее совершенных и активных организмов любой геологической эпохи. Это касается, в особенности, темпов эволюции отдельных прогрессивных филогенетических ветвей. Это справедливо, однако, и для всего процесса эволюции в целом" (стр. 382).

Мне кажется, что я первый из дарвинистов отметил ускорение процесса эволюции, а не ее затухание.

Между прочим, Презент приписал мне резервную адаптацию.

Никогда и нигде я не говорил и не мог говорить об этом, так как я постоянно полемизировал с генетиками именно потому, что я считаю все мутации вредными и, значит, не мог говорить об адаптивных мутациях и их накоплении в резерве.

Я ввел понятие резерва наследственных изменений именно в противовес представлению о генофонде. Если генофонд – понятие статическое, то резерв – понятие динамическое. В резерве не только растрачивается наследственный материал, а идет непрерывное накопление наследственных изменений. Я говорю в "Факторах эволюции" (стр. 191-192 и далее) очень подробно о накоплении резерва за счет мутирования, распространения мутаций, комбинирования их и преобразования в сложные наследственные изменения. Особенно свободно накопление наследственных изменений

идет в условиях доместикации; значит, у прирученных животных и культивируемых растений мы имеем максимальное накопление наследственных изменений, что подробно у меня разобралось в книге "Организм как целое" (стр. 75-80).

Ценными я никогда не считал отдельные мутации. Я посвятил специальную книгу вопросу о том, что организм эволюционирует как целое и только изменения организации в целом могут быть полезны для обладателя этих изменений. Отдельные, частичные изменения не могут быть полезны. Поэтому любая мутация вредна и никогда я не мог говорить о выискивании отдельных мутаций, и тем более рекомендовать это селекционерам. Я всегда говорил о сложных мутационных изменениях. Зачитаю некоторые цитаты, чтобы это было совершенно ясно.

"Проблемы дарвинизма", стр. 223: "В этой связи мы должны также обратить особое внимание на то обстоятельство, что в природных условиях естественный отбор никогда не имеет дела с *отдельными* мутациями".

На следующей странице: "Если все мутации, взятые в отдельности, как правило, вредны, т. е. связаны с нарушением установившихся соотношений, то это ясно показывает, что ни одна мутация *сама по себе* не является этапом на пути эволюции. Процесс эволюции ни в коем случае нельзя себе представлять (как это делают защитники мутационной теории) результатом простого суммирования мутаций. Каждая мутация подлежит сначала известному преобразованию и комбинированию под руководящим влиянием естественного отбора" (стр. 224). И, наконец, как выводы этой главы: "Естественный отбор имеет всегда достаточное поле для проявления своего действия. Обычно нет речи о недостаточности материала в виде наследственных изменений, т. е. мутаций. Однако, подчеркнем еще раз, что в процессе накопления последних они подвергаются переработке. Комбинирование в процессе скрещивания и отбор наиболее благоприятных комбинаций в потомстве приводят к тому, что каждая особь отличается от другой весьма многими индивидуальными особенностями.

Естественный отбор и имеет всегда дело с индивидуальными вариациями, т. е. с различиями, развивающимися на разнообразной и всегда очень сложной основе. Не последнюю роль в этом разнообразии играют и ненаследственные изменения, т. е. модификации" (стр. 230).

Наконец, последнее обвинение из основных. Обвинение в обезоруживании практики. Уже из предыдущего видно, что это обвинение неосновательно. Мне приписывается, будто я говорю о том, что "бурное на заре культуры породообразование постепенно угасает". У меня ни в одной книге, ни в одной статье, ни в одном докладе этого нет. Я никогда этого не утверждал. Единственная фраза, которая здесь частично цитировалась, говорит о другом ("Факторы эволюции, стр. 214-215):

"...и породообразование домашних животных и сортообразование культивируемых растений произошло с такой исключительной скоростью, очевидно, главным образом за счет накопленного ранее резерва изменчивости. Дальнейшая строго направленная селекция идет уже медленнее". – На этом цитата обрывалась. А в книге имеется следующее продолжение: "хотя возможность выявления более мутабельных линий, а также гибридизации и влияния внешних воздействий позволяют и здесь рассчитывать на гораздо большие скорости и не ставят в этом смысле никаких ограничений (за исключением физиологически допустимых пределов)".

Значит, во-первых, нет речи о породообразовании на заре культуры. Это происходит в любое время. Вспомните селекцию сахарной свеклы на сахаристость, которая началась только в прошлом столетии, а вовсе не на заре культуры. Она очень быстро привела к пределу. Борьба с пределом, если это не физиологический предел, можно, и я определенно указываю на средства повышения изменчивости – гибридизацию и воздействие внешними факторами, т. е. по существу те же методы, которые применял и Мичурин.

Последнее обвинение – почему я не говорю о Мичурине, не говорю о других достижениях наших селекционеров. Очень просто, потому что книга "Факторы эволюции" совершенно не посвящена этим вопросам. Если бы я думал посвятить, – может быть я это и сделаю, – книгу вопросам овладения изменчивостью и эволюцией, то это была бы, во всяком случае, большая книга, чем эта. Это специальная задача. Здесь я себя ограничил рассмотрением факторов эволюции животных и растений и то только для обоснования теории "стабилизирующего отбора". Поэтому в этой специальной монографии я и цитирую другие работы.

В связи с этим у меня почти нет ссылок на работы до 1920 г. И на классиков нет ссылок. Я беру материал, который был мне нужен для обоснования теории стабилизирующего отбора, и больше ничего.

Одновременно с этой книгой издана и другая книга "Проблемы дарвинизма". Неужели же я должен был в одной книге повторять то, что написано в другой. Здесь вы найдете ссылки и на Тимирязева, и на Мичурина. Посмотрим в "Проблемах дарвинизма" стр. 172-174, 238-240, – здесь изложены основные, действительно замечательные достижения Мичурина. Я посвящаю достаточно места и достижениям академика Лысенко, академика Цицина и других советских селекционеров. А о Тимирязеве у меня еще больше ссылок. Так что я не игнорирую наших классиков. Надо учитывать, что это специальная монография, которая имеет подзаголовок: "Теория стабилизирующего отбора". И это не есть сводка. Я вовсе не свожу даже современный материал. Это есть тот материал, который нужен для обоснования теории стабилизирующего отбора, и больше ничего.

Мне кажется, основные упреки по моему адресу я отметил. Разве еще одно только замечание.

Презент упрекал меня в том, что я такое большое значение придаю гибридизации. Казалось бы странным, что гибридизации большое значение придавал и Мичурин. Но, оказывается, я будто бы ставлю это обязательным условием существования эволюции.

Я не настолько безграмотен, чтобы не знать, что у бактерий, например, нет полового процесса, а они эволюционируют. Я отмечаю прошлое значение полового процесса и скрещивания в эволюции организмов, особенно у высших. Но это не значит, что это необходимое условие новой эволюции. Наследственные изменения появляются независимо от гибридизации. Между тем Презент делает вывод, что я будто бы придаю гибридизации такое же значение, что и теории амфимиксиса Вейсмана, что я – вейсманист. Теория амфимиксиса Вейсмана полагала, что скрещивание – источник изменчивости. Я это категорически отрицаю. Я говорю о внешних факторах как источнике изменчивости, а скрещивание рассматриваю как средство, позволяющее быстрее комбинировать и синтезировать выражения отдельных мутаций. Это – другое дело. Ясно, что мои представления не имеют ничего общего с теорией амфимиксиса. На этом разрешите закончить свои пояснения по поводу замечаний, высказанных здесь по моему адресу. <...>

Академик П. П. Лобанов. Слово предоставляется академику В. С. Немчинову.

Академик В. С. Немчинов. Товарищи, не являясь биологом по образованию, я не предполагал выступать на данной сессии. Тем более, что от Тимирязевской сельскохозяйственной академии выступили ее основные работники, такие, как И. В. Якушкин, В. П. Бушинский, Д. А. Кисловский, П. М. Жуковский, А. Р. Жебрак, т. е. представлены фактически все основные кафедры нашей Тимирязевской академии, имеющие отношение к вопросам агрономических знаний и сельскохозяйственной науки.

Я вижу, что среди наших ученых нет единства по некоторым вопросам, и в этом я лично, как директор Тимирязевской академии, не вижу ничего плохого. (Шум в зале.)

Мы в Академии имеем 60 кафедр различных направлений и специальностей. При этом по основным вопросам сельскохозяйственной науки и практики у нас существует полное единство и единодушие, и я считаю, что нет ничего плохого в некоторых разногласиях, имеющихся у нас, или, вернее, в разных точках зрения, так как эти разногласия, на мой взгляд, не являются коренными. (Шум в зале.)

Я 8 лет руковожу работой Тимирязевской сельскохозяйственной академии. И вынужден выступать только потому, что тов. Симонов и тов. Демидов поставили вопрос о необходимости осветить работу Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Тов. Симонов здесь утверждал, что в Академии вытесняют всех неугодных, в частности мичуринцев, и в качестве таковых назвал ряд товарищей, а именно: себя, Алисова, Тихоненко и некоторых других.

Я должен довести до сведения сессии, что тов. Симонов ушел из Тимирязевской академии, получив назначение на должность директора Мичуринского сельскохозяйственного института.

Голоса. Он о себе не говорил.

И. Н. Симонов. Я о себе ничего не говорил.

В. С. Немчинов. Он мне лично говорил, что его назначение директором Мичуринского сельскохозяйственного института является каким-то мероприятием, которое надо рассматривать как агрессивное. Другое дело, что у тов. Симонова произошла неудача на этой работе, но это его вина. Во всяком случае, он не прав. Также не прав он и в отношении тов. Тихоненко, с которым я имел беседу. Если бы его отпустили с другой работы, то он давно вернулся бы в Академию.

Нет такого положения, что все окончившие Тимирязевскую академию должны там оставаться и вести работу. Наоборот, я принял бы такой упрек, что Тимирязевская академия недостаточно направляет свои кадры на периферию для укрепления сельскохозяйственных вузов. Это был бы

правильный упрек. Это действительно соответствует той болезни, которую мы имеем, когда с большим трудом приходится людям, окрепших и получивших научную квалификацию в стенах Тимирязевской академии, направлять на работу на периферию.

Тов. Симонов говорил о том, что профессора Рубина не избрали на кафедру Тимирязевской сельскохозяйственной академии только потому, что он мичуринец. Это неверно, это клевета, и тов. Рубин может подтвердить, что Тимирязевская академия по отношению к тов. Рубину сделала ошибку, избрав другую кандидатуру. Об этом я заявлял ему лично, и профессор Рубин это может подтвердить, но ошибки в каждой организации бывают.

Я никогда от тов. Симонова не слышал, что он ушел из Тимирязевской академии по принуждению. Почему он позволяет себе об этом говорить? Это абсолютно не соответствует действительности.

Голос с места. Вы только создаете таких ученых, как Ломако.

В. С. Немчинов. Я не знаю, почему мы создаем таких ученых, как Ломако. Ведь Ломако – работник Белорусской академии наук, а не Тимирязевской академии. Так что это не соответствует действительности.

Не соответствуют действительности и другие утверждения. К сожалению, я не слышал выступления тов. Симонова, но, получив стенограмму, тщательно прочитал ее.

Тов. Симонов приводил как пример нашей антимичуринской установки, что мы якобы выкорчевали ягодники. Это абсолютно не соответствует действительности. Если несколько кустов было выкорчевано, то о крыжовнике и смородине надо судить не по этому. Я предлагаю всему коллективу сесть на машины и поехать в "Отрадное", и мы покажем вам все огромное богатство сортов крыжовника.

Голос с места. А как вы мучили Павлову в Тимирязевке?

В. С. Немчинов. Когда тов. Павлова пришла с заявлением, что у нее недоразумение, я стал на ее точку зрения и изменил приказ тогдашнего директора учебного хозяйства.

Всякой информации о Тимирязевской академии здесь достаточно, но она абсолютно не соответствует действительности.

Тов. Симонов позволил себе указать на каких-то послушных профессоров. Я считаю, что такого рода утверждение недостойно того, кто выступает с таким заявлением, что тов. Симонов в этом случае сделал совершенно недопустимый выпад.

Говорят, что в Тимирязевской сельскохозяйственной академии нет мичуринского направления, что наши работники, профессора и т. д. являются антимичуринцами. Это – неверно.

Голос с места. О всех профессорах никто не говорил.

В. С. Немчинов. Разве кто-нибудь скажет про Н. Н. Тимофеева, заведующего кафедрой селекции плодовых и ягодных культур, что он антимичуринец. Кто может сказать это и про тов. Колесниченко?

Однако есть у нас ученые другого направления, в частности, профессор Жебрак. Тов. Симонов сказал, что Немчинов, как директор, одобрил статью профессора Жебрака, опубликованную им в заграничном журнале. Это близко к явной клевете, ибо это не соответствует действительности. Надо сказать, что общественность знает, что одним из первых, кто выступил по поводу статьи А. Р. Жебрака в печати, был не кто иной, как Немчинов.

Голос с места. Первыми были писатели.

В. С. Немчинов. Я говорю, что выступил одним из первых, во всяком случае, немедленно после статьи писателей.

Голос с места. Скажите о своем письме в "Ленинградскую Правду".

В. С. Немчинов. Никакого письма в "Ленинградскую правду" я не писал и не знаю, о чем идет речь. Это очевидно какая-то легенда.

В своих выступлениях, в докладах на партийном собрании, на Совете академии, я отмежевался от статьи тов. Жебрака и дал ей соответствующую оценку. Все товарищи, которые говорят здесь по данному вопросу, знают это прекрасно, но почему-то считают необходимым вводить в заблуждение советскую общественность.

Голос с места. Они чуют правду.

В. С. Немчинов. Правда, конечно, всегда останется правдой, и она победит.

Как директора меня могут упрекнуть в одном, что я делаю различие между статьей профессора Жебрака, академика Белорусской академии наук, и его работой. Я заявил, что выступление профессора Жебрака осуждают, обвиняют его не за то, что он придерживается, что он защищает

хромосомную теорию наследственности, а за то, что он совершил антипатриотический поступок. Так оно и было.

Голос с места. Хромосомная теория в золотом фонде находится?

В. С. Немчинов. Да, я могу повторить, да я считаю, что хромосомная теория наследственности вошла в золотой фонд науки человечества и продолжаю держаться такой точки зрения.

Голос с места. Вы же не биолог, как вы можете судить об этом?

В. С. Немчинов. Я не биолог, но я имею возможность эту теорию проверить с точки зрения той науки, в которой я веду научное исследование, и, в частности, статистики. (Шум в зале.)

Она соответствует также моим представлениям. Но не в этом дело. (Шум в зале.)

Голос с места. Как не в этом?

В. С. Немчинов. Хорошо, пусть будет в этом дело. Тогда я должен заявить, что не могу разделить точку зрения товарищей, которые заявляют, что к механизмам наследственности никакого отношения хромосомы не имеют. (Шум в зале.)

Голос с места. Механизмов нет.

В. С. Немчинов. Это вам так кажется, что механизмов нет. Этот механизм умеют не только видеть, но и окрашивать и определять. (Шум в зале.)

Голос с места. Да, это краски. И статистика.

В. С. Немчинов. Я не разделяю точку зрения, которая была высказана и нашим уважаемым председателем о том, что хромосомная теория наследственности, и, в частности, некоторые законы Менделя являются какой-то идеалистической точкой зрения, какой-то реакционной теорией. Лично я такое положение считаю неправильным, и это является моей точкой зрения, хотя и мало кому интересной. (Шум в зале. Смех.)

Голос с места. Очень интересной.

В. С. Немчинов. Эту точку зрения я никогда не скрывал. Это – моя точка зрения, точка зрения не специалиста.

Голос с места. От директора Тимирязевской академии ее интересно услышать.

В. С. Немчинов. Тогда разрешите ее изложить. Я не считаю правильным, если А. Р. Жебрак совершил антипатриотический поступок, который получил заслуженную оценку, – что нужно, в связи с этим, закрывать все его работы по амфидиплоидам.

Голос с места. Вам нужно уйти в отставку.

В. С. Немчинов. Возможно, что мне нужно уйти в отставку. Я за свою должность не держусь. (Шум в зале.)

Голос с места. Это и плохо.

В. С. Немчинов. Но я считаю свою точку зрения правильной, и агрессивный характер выступлений и действий, направленных на запрещение работ А. Р. Жебрака, я считаю неправильным. Неслучайно Министерство сельского хозяйства утвердило у нас опорный генетический пункт.

Голос с места. А что делает опорный пункт?

В. С. Немчинов. Не знаю, бывали ли вы на этом опорном пункте или нет. Я бывал и знакомился с работами пункта и, по моему мнению, в самое ближайшее время результаты работ будут очевидны. То, что они не очевидны для нас сейчас...

Голос с места. Сколько времени потребуется?

В. С. Немчинов. А. Р. Жебрак заявил, что результаты будут в ближайшее время.

Но не в этом дело. Я не могу разделить такой точки зрения, что в Тимирязевской академии не должны работать А. Р. Жебрак и сотрудники Академии, разделявшие хромосомную теорию. Я полагаю, что они должны продолжать там работать так же, как не считаю, что нужно изгонять представителей мичуринской точки зрения.

Голос с места. Вы их изгнали, там уже некого изгонять.

В. С. Немчинов. У нас работает Н. Н. Тимофеев, И. В. Якушкин, В. П. Бушинский, Резниченко и другие, которые проводят мичуринское направление. Многие научные сотрудники, в том числе и А. Р. Жебрак, работают активно по основному вопросу – переделке природы в интересах социалистического сельского хозяйства.

Голос с места. Скажите о ваших отношениях к установкам доклада.

В. С. Немчинов. Мое отношение к докладу Т. Д. Лысенко таково. Основные его положения и основные идеи, которые заключаются в том, чтобы мобилизовать агроботаническую науку на нужды колхозного производства и методы его работы перенести на все массивы колхозных полей, я считаю правильными.

Голос с места. Теоретически.

В. С. Немчинов. В теоретической основе я считаю, что в отношении хромосомной теории наследственности Трофим Денисович не прав.

Голос с места. Вы не специалист.

В. С. Немчинов. Да, я не специалист, поэтому я и не говорил, пока вы меня не спрашивали.

Я с большим вниманием и интересом наблюдаю за работой Т. Д. Лысенко и с огромным уважением отношусь к его умению руководить агрономической наукой в интересах колхозного производства, но это не значит, что я с ним целиком согласен. Я согласен с ним по ряду положений, но по отдельным вопросам я с ним не могу согласиться.

Голос с места. Это основное.

В. С. Немчинов. Но я считаю, что это не основное, и с этим положением я согласиться не могу и считаю его неправильным.

Голос с места. А другие основные?

В. С. Немчинов. А другие основные точки зрения я лично считаю правильными. (Шум в зале.)

Но это очень важное разногласие и, так как я не биолог, то оно должно быть решено представителями биологической науки.

Меня упрекают, что сотрудники Тимирязевской академии ничего не дали сельскому хозяйству.

И. И. Презент. Не все.

В. С. Немчинов. Возьмем наших селекционеров. Сейчас у нас заведует кафедрой, после П. И. Лисицына, – П. Н. Константинов. Разве мало он дал сельскому хозяйству? Его сорта занимают миллионы гектаров.

С. С. Перов. При чем тут гены?

В. С. Немчинов. Гены? Это вы их почему-то приплетаете. (Смех.)

Я говорю, что кафедрой селекции зерновых культур заведует П. Н. Константинов, а вы говорите о генах. Говорите, что селекция и семеноводство находятся в руках антимишуринцев. Кафедрой селекции и семеноводства плодово-овощных культур руководит Н. Н. Тимофеев. Он настоящий, подлинный мичуринец. Вы говорите – "генетика". Но ведь генетика – это небольшой курс, читаемый лишь в одном отделении селекции и семеноводства.

И. Н. Симонов. Одна ложка дегтя может испортить бочку меда.

В. С. Немчинов. Если вы считаете работы А. Р. Жебрака по экспериментальной генетике ложкой дегтя, то я держусь другой точки зрения. А. Р. Жебрак является заслуженным ученым, и я не считаю возможным говорить об удалении его из Тимирязевской академии. Он вырос в Академии.

И. И. Презент. Ваш продукт, ваше творение!

В. С. Немчинов. Разные продукты бывают.

Мне кажется, что все обвинения меня в антимишуринском направлении отпадают. Такие имена, как Н. Н. Тимофеев, П. Н. Константинов, достаточно говорят сами за себя. Остается один А. Р. Жебрак. Но в отношении А. Р. Жебрака я дал свой ответ как директор.

Ф. А. Дворянкин. О линии говорят, а не об этом.

В. С. Немчинов. А линия такова, чтобы всемерно развивать в Тимирязевской академии вильямсовское учение. Представители вильямсовского направления у нас есть. Они прямые наследники и продолжатели дела В. Р. Вильямса – это профессор Бушинский, профессор Чижевский и ряд других работников. Имеется и специальная почвенная станция имени академика В. Р. Вильямса.

Ф. А. Дворянкин. Вы из Тимирязевки делаете Немчиновку.

В. С. Немчинов. Если это было бы, то директором 8 лет я не просидел бы. Я не согласен с академиком Т. Д. Лысенко по ряду существенных вопросов. В частности, я не согласен с ним, когда он категорически утверждает, что Институт экономики сельского хозяйства не должен быть при Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, а должен быть в недрах Министерства сельского хозяйства.

И. И. Презент. Это не принципиально.

С. С. Перов. Не принципиально.

В. С. Немчинов. Это принципиально, потому что считать, что одной агробиологией вся сельскохозяйственная академия исчерпывается, – нельзя.

И. И. Презент. Так и не говорится.

В. С. Немчинов. Я и сейчас продолжаю считать и был бы рад, если бы данная сессия поручила президиуму Академии открыть Институт экономики, иначе незачем было четырех академиков по экономике кооптировать в состав Академии.

Я несу моральную и политическую ответственность за линию Тимирязевской академии. Я морально и политически ответствен за ту линию, которую я провожу, и считаю ее правильной и буду продолжать проводить. Если эта линия окажется неправильной, то мне подскажут или выполнят те надежды и чаяния, которые здесь раздаются, чтобы я освободил место. Недопустимо, на мой взгляд, закрыть в Тимирязевской академии работу профессора Жебрака.

И. И. Презент. Типа Моргана, да?

В. С. Немчинов. Я несу за это морально-политическую ответственность и буду нести ее, пока она на меня возложена.

Вопрос с места. Знаете ли вы, что профессор Парамонов в своих лекциях по дарвинизму извращает и поносит работы Лысенко и всей его школы?

В. С. Немчинов. Я знаю лекции Парамонова. Он не поносит и не извращает дарвинизм, и если он по отдельным вопросам не согласен с Т. Д. Лысенко, то это нельзя считать поношением. Профессор Парамонов один из первоклассных лекторов, любимец студенчества, дарвинист до глубины души, является тимирязевцем от начала до конца. Если он не согласен с отдельными положениями – это другое дело. Это не является поношением Трофима Денисовича. Я много раз беседовал с Парамоновым, бываю на лекциях, читаю стенограммы.

Голос с места. Мы также слушали его лекции и знаем, что это правда.

В. С. Немчинов. Тогда дайте документы.

Голос с места. Какие документы?

Вопрос с места. Знаете ли вы, что на лекциях по дарвинизму в Тимирязевской академии не упоминаются даже изредка имена Тимирязева и Мичурина?

В. С. Немчинов. Сплошная чепуха (смех). На лекциях профессора Парамонова я многократно бывал и знаю его точку зрения.

Вопрос с места. Разъясните: думали ли вы, что содержание курса генетики должно быть мичуринским? Настоятельно прошу ответить на этот вопрос.

В. С. Немчинов. Я считаю, что в курсе генетики должны быть отражены положения академика Т. Д. Лысенко о стадийности и ряд других его работ. Также не должны быть утаены от студенчества и основы хромосомной теории наследственности. (Шум в зале.)

Вопрос с места. Ответьте, как вы собирались уволить профессора Кисловского?

В. С. Немчинов. Не знаю. Профессор Кисловский здесь присутствует, и я думаю подтвердит, что никогда не было случая, чтобы я не поддерживал его в работе. Я всегда хорошо относился к профессору Кисловскому. Если это не так, пусть он скажет здесь об этом.

Вопрос с места. Если можно, напомните, какие сорта были выведены в Тимирязевке по методу Мичурина, дайте данные сортоиспытаний.

В. С. Немчинов. Я могу назвать хотя бы сорт тимирязевского крыжовника, который выведен по методу Мичурина и который у нас размножается.

Академик П. П. Лобанов. Слово предоставляется заместителю директора Института генетики Академии наук СССР тов. В. Н. Столетову. <...>